

● СЕГОДНЯ — 110 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. М. ПРИШВИНА

ДОРОГА К ДРУГУ

ВОТ И НАСТАЛА та пора в круговращении природы, которую Михаил Михайлович Пришвин называл «весной света». Именно в эту пору сто десять лет назад и появился на свет будущий писатель, неповторимый певец русской природы, ее радатель и защитник.

«Я думаю, что такого природолюбца, такого проникательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как вы, М. М., в нашей литературе — не было», — писал Пришвину в его зрелую пору Алексей Максимович Горький.

Но изображение природы, ее сложной и не всякому раскрывающейся жизни не являлось для писателя самоцелью. «Искать и открывать в природе прекрасные стороны души человека» — вот девиз его творчества.

Что бы ни писал Пришвин: будь это его первые поэтические очерки «В краю испуганных птиц» или автобиографический роман «Кашеява цепь», поэма в прозе «Женьшень» или охотничьи рассказы из книги «Календарь природы», собрание поэтических миниатюр «Лесная капля», «Глаза земли», «Незабудки» или новеллы и повести-сказки для детей «Норабельная чаща», «Кладовая солнца», «Золотой луч» — везде писателем руководит забота о человеке, живущем и действующем в природе и обществе.

«Природа, — говорил М. М. Пришвин, — это материал для хозяйства всего человека и зеркало пути каждого из нас к истине. Стоит только хорошо задуматься о своем пути и потом из себя погля-

деть на природу, как там непременно увидишь переживания своих собственных мыслей и чувств...» И еще: «Чтобы понимать природу, надо быть очень близким к человеку, и тогда природа будет зеркалом, потому что человек содержит в себе всю природу».

Вся нелегкая и непростая жизнь писателя и была движением к человеку, своему благодарному читателю, по выражению самого Пришвина, — «дорогой к другу».

ПРИШВИН не мог писать о том, что он не увидел и не прочувствовал сам. Это был самый «ненаблюдательный» писатель нашего времени. У него была душа непоседы-путешественника и сильные, неутомимые ноги ходока, которыми он вымерил тысячи километров лесных троп Подмосковья, Севера, Дальнего Востока... Уже когда ему было за шестьдесят, он по заданию Наркомата лесной промышленности отправляется в Вологду и Архангельск, спускается по рекам Сухоне и Пинеге. Была ему дана вот какая любопытная сопроводителька: «По поручению Наркомата лесной промышленности писатель Михаил Михайлович Пришвин посвящает 1935 год работе над лесной тематикой. Наркомат придает крупное культурное значение этой работе, считая, что она будет

способствовать популяризации в широких массах рабочих и колхозных читателей и сельской интеллигенции задач социалистической лесной промышленности и в первую очередь внедрению индустриальных методов работы (механизация всех процессов)».

— Да такого быть не может! — воскликнет, прочтя это, какой-нибудь почитатель таланта певца природы. — Есть ли что-либо менее совместимое, чем Пришвин и лесозаготовки!

Но факт есть факт. Справка такая писателю была выдана. И все дело тут в том, что к природе, к лесному делу Пришвин подходил не как умиленный созерцатель, а с точки зрения человека государственного. «В нашем морально-поэтическом сознании, — говорил он, — мы невольно предпочитаем лесовода лесорубу, нам кажется, что трудно лес разводить, а рубить ничего не стоит. Специалисты мне рассказывали, что это совсем неверное представление. Северные леса быстро стареют, двести — триста лет, и кончено; после того лес начинает гибнуть сам собой и вовсе пропадает от червы и пожара. Вот хозлину и надо вовремя взять спелый лес без потерь, а это, по словам специалистов, дело едва ли даже не потрудней, чем лесовозобновление».

«Сажать и рубить» — вот, по мнению Пришвина, самая разумная формула ведения лесного дела.

Но зато уж когда писатель видел явно бездумное, ничем не оправданное бесхозяйственное отношение к лесу, голод его становился гневным, и он со всей решительностью выступал в защиту зеленого друга. Так он с возмущением и болью пишет о людях, которые столетний сосновый бор под Переславлем извели на «швырок», «долготье» и «рудсырье». Другой сосновый бор по реке Вёксе, соединяющий Плещеево и Семинское озера, удалось оградить от хищнической вырубki. Он стал благодаря заступничеству Пришвина государственным заповедником. Это и есть знаменитая Берендеева чаща, с описания которой и начал писатель поэтическое повествование о лесах Родины.

ПОЕЗДКА писателя по поручению Наркомата лесной промышленности на Север, походы по подмосковным лесам вылились в ряд очерков, послуживших позднее базой к созданию крупных, полюбившихся и детям, и взрослым, произведений. Нас восхищает в них по-детски чистый, незамутненный взгляд писателя на мир, умение в обычном увидеть небывалое. В капле росы, в повисте пичуги, в шепоте

листьев и говоре ручья — во всем черпал Пришвин вдохновение для создания своих, расцветенных всеми красками природы, поэтических миниатюр, охотничьих рассказов, повестей-сказок... Ему ничего не нужно было выдумывать, потому что в самом заурядном жизненном явлении он находил бездну поэзии и глубокого смысла. Он — сама жизнь, сама природа. Как его мальчик-подпасок из чудесного рассказа «Сочинитель». Вот послушайте-ка. У писателя с мальчиком зашел разговор о литературе:

— Если бы ты по правде писал, а то ведь, наверное, все выдумал!

— Не все, — ответил я, — но есть немного.

— Вот я бы — так написал!

— Все по правде?

— Все. Вот взял бы и про ночь написал, как ночь на боте проходит.

— Ну как же?

— А вот как! Ночь. Куст большой-большой у бочага. Я сижу под кустом, а утята — свись, свись, свись... Остановился. Я подумал: он ищет слов или дожидается образов. Но он вынул жалеюку и стал просерверливать в ней дырочку.

— Ну а дальше-то что? — спросил я. — Ты же по правде хотел ночь представить?

— А я же и представил, — ответил он, — все по правде.

Куст большой-большой. Я сижу под ним, а утята всю ночь — свись, свись, свись...

— Очень уж коротко. — Что ты «коротко»? — удивился подпасок. — Всю-то ночь напролет: свись, свись, свись... Соображая этот рассказ, я сказал:

— Как хорошо!

— Неуж плохо? — ответил он.

«Как хорошо!» — говорим и мы, читая даже самые короткие — всего в несколько строчек — миниатюры мудрого Берендея-Пришвина.

ДОРОГОЙ к другу шел всю свою долгую жизнь великий знаток таинств природы Михаил Михайлович Пришвин. Не уставай повторять, что «жизнь прекрасна», он, может быть, как никто другой понимал, что для сохранения этой красоты и приумножения природных богатств нужны огромные коллективные усилия. И не случайно поэтом в конце своей жизни оставляет писатель наказ своим друзьям — молодому поколению:

«Мы хозяева нашей природы, и она для нас кладовая солнца с великими сокровищами жизни. Мало того, чтобы сокровища эти сохранить, их надо открывать и показывать».

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоемы. В лесах, степях, горах разные ценные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверям — лес, степи, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину».

А. КОЧУКОВ.